

Сад судеб

У подножья белой горы, такой высокой, что даже в самые солнечные дни её вершина терялась за облаками, в небольшом городке, где событий было мало, а цветов больше, чем звёзд на небе, жили мальчик и девочка. Они очень дружили, и даже имена у них были почти одинаковыми.

– Здравствуй Поля! – ещё издали окликал мальчик.

– Здравствуй, Поль! – радостно отзывалась девочка.

И тихую улочку наполняли звонкие голоса и смех.

Прохожие, с опаской поглядывая на них, но не могли удержать печальной улыбки. В этом городе старались не называть друг друга по именам. Здесь не говорили громко, не смеялись во весь голос, не спорили взахлеб и не поднимали головы к небу.

Когда-то этот цветущий городок был весёлым и людным. Его населяли поэты, певцы, музыканты и садовники. На васильковой поляне ночи напролет играла музыка, танцевала молодежь, и эхо с белой горы вторило задорным песням. Но после каждого бесшабашного праздника, как снежный ком с горы, на головы жителей обрушивались несчастья. Чем громче и безудержнее задавалось веселье, тем стремительней приходила расплата, словно сама судьба взвешивала на своих весах отпущенную каждому меру радости и печали. Поговаривали, что обитает она на белой скале в волшебном саду, где всякому человеку с самого рождения определён свой цветок.

Всё это рассказывали украдкой, тайным шёпотом, чтобы не услышала хозяйка скалы: ведь пока не вспоминает она о людях, живётся им спокойно, но стоит кому-нибудь выдать себя, рассмеяться слишком громко, похвастать, даже просто произнести своё имя, обратит она на него свой взор и неизвестно что может случиться тогда....

И постепенно затаился, притих маленький город. Умолкли певцы, разбрелись по миру музыканты и поэты. Тропинки и дощатые мостки заросли клевером, а пустые глазницы покинутых домов затянулись мальвами и хмелем. Жизнь здесь потекла тихо и тайно.

Лишь дети, ещё не познавшие тягостей судьбы, не боялись её и с любопытством вглядывались в окутанную туманом вершину.

– Бабушка, расскажи, что там? – каждый раз спрашивал Поль старую бабушку Розалию, прилежно сидевшую у окна за шитьем лоскутного одеяла, похожего на яркую цветочную лужайку.

– Тама... – на свой манер отвечала она. – А тама...

Но тут же пугалась, прикрывала рот ладошкой и принималась за очередной лоскуток. Сколько ни допытывались Поль и Поля, так было всегда. «А тама...» – начинала она и замолкала. И дети считали, что на белой скале живёт таинственная Атама, такая страшная, что бабушка боится даже говорить о ней.

Ни в одном городе на свете не было столько цветов: розы и хризантемы запросто росли на лужайках, вдоль дорог цвели тюльпаны, одуванчики и лютики пробивались сквозь щели в полах, забирались на карнизы, оплетали окна и стены. А от вьюнов не было проходу, и если на ночь забывали запереть дверь, к утру она прирастала к земле.

Однажды в этот утопающий в цветах город привезли девочку с длинными белыми косами.

- Какое прелестное местечко! Как радостно, наверное, здесь жить, - сказала её мама, вдыхая ароматы цветов. И семья поселилась в пустующем доме с проросшими сквозь крыльцо фиалками.

Мало было в городе новостей, много собралось желающих поглазеть на приезжих. Полю и Полине понравилась новая девочка. Она была весёлой, беспечной, радовалась каждому красивому цветку, умела составлять из них яркие букеты, плести венки и гирлянды. Это казалось удивительным, никому до сих пор в голову не приходило украшать цветами себя и своё жилище, ведь в этом городе обращали на них внимание не больше, чем в других местах - на траву у обочины. Подражая приезжай, Поля тут же начала плести одуванчиковые бусы, а Поль набрал для девочки целый букет речных лилий с длинными мокрыми стеблями.

Принимая цветы, девочка вспыхнула радостью и поцеловала влажно-свежие лепестки.

- Меня зовут Лилия, - сказала она, - а тебя?

И так удивительно подошло её имя к этому букету, к её светлым косам и ко всему цветочному городу, что мальчику вдруг стало весело и радостно.

- Поль, - ответил он громко.

- Поль!.. - эхом отозвалась белая скала, и взрослые тревожно переглянулись.

* * *

Прошло время - повзрослели дети. По-прежнему прибегала Поля в дом бабушки Розалии, только не так смело и беззаботно смотрела уже в синие глаза своего друга.

- Здравствуй, Поля! - не считаясь с обычаями, приветствовал юноша. - Что же ты молчишь, или забыла, как меня зовут?

- Здравствуй... - напевно отвечала ему Поля, и счастливая улыбка озаряла её лицо.

Как-то они бродили в полях. Поля плела венок из васильков, а Поль скучал.

- Всё поля, цветы, венки и букеты... - вздыхал он. - Восемнадцать лет живу, а вокруг всё одно и то же. Неужели никогда ничего не изменится?

- Вот и хорошо! - отвечала Поля, примеряя на его русые кудри оконченный венок. - Ах, твои глаза совсем как васильки... И зачем что-то менять? Я бы хотела, чтобы и завтра, и послезавтра, и через двадцать лет всё было так же, как сейчас.

- Ну, нет! - Поль потрянул головой. - Для чего же тогда я молод и полон сил? Хочу, чтобы жизнь шумела, кипела, бурлила, как горная река, чтоб всё вокруг менялось, чтоб каждую минуту происходило что-нибудь необыкновенное, прекрасное до слёз! Да, да! До слёз, до боли!

И снова заговорило эхо у белой скалы.

- Тише... - испугалась Поля, поправляя на нём венок. - Услышит Атама и сорвёт твой цветок...

- Пусть слышит! Я не боюсь. Лучше один день прожить ярко и счастливо, чем век умирать от скуки. Эй, Атама, или кто ты там?!

Третий раз отозвалась белая скала. И лицо Поля вдруг побледнело. Острая боль на мгновение пронзила грудь...

С того дня Поль стал тихим и задумчивым, казалось, он всё время прислушивается к биению собственного сердца.

Но именно тогда все вдруг заметили, как он красив и статен, как смело блестят его васильковые глаза.

- До чего хорош этот Поль, - сказала как-то Лилия, - к нему так идёт бледность и выражение задумчивости.

- Действительно, - согласились её подружки. - И как раньше мы этого не замечали?

О нём заговорили. Каждому его шагу, самому обыкновенному поступку стали придавать особенный смысл. Если он выходил с книжкой на крыльцо, все говорили, что он умен и образован, если, задумавшись, начинал что-нибудь напевать, хвалили за великолепный голос, а когда от скуки брался вырезать из дерева, считали, что у него необыкновенный талант художника.

- А какой он смелый! - то и дело слышалось в городе, где не принято называть имен.

- И добрый.

- Да что говорить - лучший жених в городе!

И действительно, Поль расцветал день ото дня. За что ни брался, всё спорилось в его руках, всё ему удавалось. Однажды он нашёл на чердаке старую скрипку и всем на удивление за каких-то два-три часа выучился подбирать нехитрые мелодии. К нему присоединилось ещё несколько музыкантов, и на музыку, как бабочки на свет, стала слетаться молодежь. Скоро возобновились гуляния на васильковой поляне. И всё благодаря ему - Полю!

Только Полину и бабушку Розалию не радовала его слава. Слезы наворачивались на глаза девушки, когда она видела, как бледнеет его лицо, как иногда замирает он, прижимая руки к груди, будто птенца, отогревая сердце в ладонях.

- Мне страшно за тебя, - шептала Поля.

- Вечно ты боишься, - сердился Поль. - Даже имя моё не смеешь произнести. Раньше ты была не такая.

- Раньше и ты был другим...

Поль цвёл так ярко, словно чашу счастья, отпущенную на всю жизнь, выпивал залпом. И опустела чаша. Без всякой причины он вдруг затосковал. Его перестали забавлять песни и танцы, радовать восторженные взгляды и похвалы. Скоро печальная весть облетела город: всеобщий любимец тяжело заболел. Лежит дома, сложив руки на груди, и боль точит его сердце.

- Всё она... - причитала бабушка Розалия, укутывая Поля лоскутным одеялом. - Норовит самый красивый цветок сорвать.

- Атама? - пугалась Поля.

- Она, хозяйка...

Долгими ночами сидела Поля у постели друга. Однажды, задремав под утро, она увидела удивительный цветок. Он был похож на лукошко, наполненное светом. Его пушистые лёгкие лепестки дышали свежестью, лучились голубоватым светом и трепетали от прикосновения воздуха, словно множество огненных мотыльков, готовых подняться в воздух. Ничего прекраснее Поля ещё не видела. Как зачарованная она потянулась к цветку, но от прикосновения он вдруг вспыхнул лиловым огнем, почернел и рассыпался в прах. Поля вскрикнула и проснулась.

- Нет, нет, - шептала она. - Я спасу его! Я найду цветок его судьбы!

Остаток ночи она недвижимо просидела у его постели, а под утро тихонько вышла за дверь. Путь её лежал туда, где, размытая туманом, виднелась скала - белая, как облака...

* * *

Чем дальше, тем пышнее и цветистее становились вокруг луга. Когда же Поля подошла к подножию скалы, то увидела, что вся она поросла неизвестными белыми цветами и оттого казалась закутанной в саван. Девушка отыскала узенькую тропинку, проложенную весенними ручьями, и стала карабкаться вверх, ранив ноги и руки о стебли и травы. Скоро скала стала почти отвесной. Поля обессилела от усталости и голода, ей казалось: вот-вот разожмутся занемевшие пальцы, соскользнут ноги, и она рухнет вниз со страшной высоты. И всё же она продолжала упорно

карабкаться вверх, цепляясь руками за перепутанные стебли. Наконец подъём кончился. Силы оставили Полю, и она упала на землю.

Очнувшись, она увидела перед собой бескрайнее море цветов. Их было так много, что солнце не могло пробиться сквозь густой полог разноцветных лепестков. Шагу нельзя было ступить, чтоб не помять их, не потревожить.

Яркие японские хризантемы росли здесь рядом со скромными лесными фиалками, весенние ландыши соседствовали с осенними флоксами, сквозь розовые кусты тянулись бегонии, сирень, черёмуха и жасмин рассыпали всюду венчики соцветий. Всё благоухало, росло, переплеталось, цвело и увядало по каким-то своим, особым законам, словно у каждого цветка было своё солнце, свои весна и лето.

В центре сада цветы были особенно яркими и пышными. И в этом небывалом многоцветном море, как остров, возвышался дом, издали похожий на огромный красочный бутон. Поля подошла, полог из лепестков раскрылся, и она попала в большой круглый зал.

У открытого окна в великолепном венце и белом платье, которые были украшены невиданными яркими бабочками, стояла хозяйка. Ни морщины не было на её белом, чистом, как мрамор, лице. Она оглянулась, и бабочки на венце и платье затрепетали. Поля с удивлением увидела, что все они живые.

Лишь на секунду, сверкнув, как роса под солнцем, коснулся Поля её взгляд, но сердце задрожало, мотыльком на ветру. Она почувствовала себя одним из многих цветков, тянущихся к хозяйке, словно к солнцу, и ей тоже захотелось благоговейно коснуться складок её чудесного платья... Она уже сделала шаг, но вдруг заметила в её руке прекрасный голубовато-лиловый цветок. Точно такой она видела во сне, и так же струился из его пышного венчика дивный свет.

– Поля, – прошептала она и потянулась к нему, точь-в-точь как было во сне.

Хозяйка равнодушно взглянула и молча протянула ей цветок. Но едва девушка коснулась его, свет потух, и необыкновенный цветок, сказочно прекрасный в руках судьбы, превратился в обыкновенный василёк, какие тысячами цветут на летних лугах... Ещё секунда – и он на глазах ослаб, лучистые лепестки поникли, поблели и бессильно легли на ладонь, будто жизнь разом вышла из них. Жалость переполнила сердце Поля и слезами скатилась на лиловый венчик.

– Зачем ты его сорвала? – прошептала девушка.

– Таков порядок, – ответила хозяйка.

– Но Поля умирает!

– Таков порядок...

– В твоём мире нет порядка! – воскликнула Поля в отчаяние. – Не успеет распуститься цветок, как приходит время отцветать. Прекрасные бабочки живут всего один день. А Поля! Мой Поля! ...Я так люблю его!

Хозяйка вздохнула, вновь потревожив свой живой убор.

– Я знаю, что значит любить... – медленно проговорила она. – Когда-то я тоже пришла сюда, чтоб помочь тому, кто был мне дороже всего на свете...

– Тогда спаси Поля, – с надеждой попросила девушка, – верни василёк на место.

– В моём саду нет пустого места. Там уже вырос новый цветок.

– Так сорви мой – всё равно мне не жить без любимого.

Атама внимательно и печально посмотрела на неё и кивнула головой, при этом огромная ярко-оранжевая с чёрными и синими разводами бабочка слетела с её живой короны и затрепетала в воздухе.

– Сделай это сама... – сказала она. – А бабочка укажет тебе дорогу.

Взор её вновь стал прозрачен и равнодушен, а Поля с васильком в руках выбежала вслед за бабочкой.

* * *

На берегу заросшего пруда, у самой кромки воды, среди кувшинок и купав отыскала она одинокую, едва раскрывшуюся астру. Она наклонилась, и астра звёздочкой вспыхнула ей навстречу. словно слёзы радости, просияли капли росы на белых лепестках, и в этот миг Поле показалось, что жизнь её свершилась вся без остатка, и больше ничего не будет и не нужно. Она оцепенела, не в силах отвести взор от мерцающего звёздного венчика. Давно улетела роса, оставив на белых лепестках лишь несколько прозрачных слезинок, а она всё стояла, растворясь сердцем в мире, всё разглядывала цветок своей судьбы.

Но вдруг увядающий василёк шевельнулся в ладони – бабочка села на его венчик, и это лёгкое прикосновение вернуло Полю к действительности. Такой яркой, словно из другого мира, была эта роскошная бабочка рядом с болезненно блеклым цветком, что казалось – ещё одно прикосновение к жизни и, как в вещём сне, он рассыплется в прах.

Вспомнила Поля, зачем явилась.

– Нет мне без него жизни, – сказала она белой астре и с корнем вырвала цветок своей судьбы. На его место она тут же опустила бедный больной василёк, и земля приняла его.

Поля хотела тут же подобрать оброненную астру, но не смогла её найти... И только тогда с ужасом поняла: цветка её судьбы больше нет. А вместе с ним в тот момент, когда он был сорван, оборвалась и её земная жизнь. Желая убедиться, что сама она ещё есть на свете, девушка наклонилась к воде и не увидела своего отражения..

Зато увидела Поля. Бледный, измученный болезнью, он лежал на кровати, вытянув слабые, как увядшие листья, руки по лоскутному одеялу. Рядом с ним сидела Лилия и с жалостью глядела на него. И вновь, забыв о себе, Поля всей душой устремилась к нему. Она позвала его по имени, громко и повелительно, как никогда не решилась бы прежде.

Ресницы Поля дрогнули. Он открыл глаза и увидел Лилию. Её слёзы упали ему на лицо, и он решил, что именно эти слёзы пробудили его.

Поля ласково прикоснулась к возрождающемуся васильку, и в это же время в городке у подножия скалы Лилия взяла юношу за руку. От её руки исходило тепло, а ему показалось – жизнь.

– Ты вернула мне силы, – прошептал Польш той, чье имя так удачно угадали при рождении. – Я хочу, чтобы ты всегда была рядом со мной.

Поля принялась рыхлить землю вокруг василька, отводя в сторону соседние цветы, стремящиеся потеснить его, отнять у него влагу. Она срезала засохшие от болезни листья, поддерживала ещё слабый венчик, который постоянно склонялся к воде, туда, где среди кувшинок цвела прекрасная белая лилия.

Поля бережно разглаживала свернувшиеся лепестки, а в это время на земле девушка со светлыми волосами поправляла лоскутное одеяло. Черпая пригоршнями из пруда, Поля поила цветок, а на земле в этот момент другая подавала больному кружку воды.

Сколько ни пыталась Поля развести василёк и лилию, они упорно тянулись друг к другу. Сколько ни пыталась согнуть и отстранить лилию, от прикосновения её рук она только расцветала..

– Как ты прекрасна, – любясь, говорил Лилии выздоравливающий Польш. – Почему раньше я этого не видел?! И как хорошо мне с тобой. Когда я совсем поправлюсь, ты выйдешь за меня замуж..

– Не бывать этому! – вскрикнула Поля и смяла в ладони нежный венчик лилии.

Гримаса страдания вдруг исказила лицо девушки.

- Что с тобой? - огорчился Поль. - Тебя испугали мои слова? Ты не любишь меня?

Дрожащими пальцами Лилия коснулась своего лица, потом схватила зеркало и увидела, как морщины смяли её молодую кожу, словно она вмиг постарела на десять лет.

- Для меня ты всегда будешь прекрасна... - утешая её, сказал Поль. - Никогда в жизни я не покину тебя.

- Не бывать этому! - повторила Поля. С силой рванув длинный стебель, она отбросила сорванный цветок лилии. И тут же испугавшись того, что сделала, вскочила и побежала прочь от пруда, к дому, похожему на едва раскрывшийся тюльпан. Она откинула полог, вспугнув сотню разноцветных бабочек, которые поднялись в воздух и калейдоскопом замелькали перед глазами. Атамы нигде не было. Некому было распорядиться жизнью Поли, некому ей помочь.

Она долго металась по саду в поисках хозяйки. Цветы при виде её прятались в бутоны, и шлейфом летали за ней разноцветные бабочки. Сквозь пелену застилающих глаза слёз ей всюду мерещится Поль. Она затыкала уши, чтоб не слышать его молящий голос, закрывала глаза, чтоб не видеть его страдающее лицо. Ей хотелось затеряться, раствориться в мире, исчезнуть, как только что исчезла астра её судьбы. Но как ни пряталась она от себя, как ни старалась не думать, не видеть, не знать - она уже знала: на покинутой ею земле тот, кого она так любит, плачет над умирающей невестой и даёт ей клятву верности.

- Судьба моя, не губи, пощади, не отнимай у меня Лилию. Я без неё умру! - молил он и смотрел на Полю - глаза в глаза.

И она не выдержала его взгляда. Она вернулась к пруду. Цветок лилии бессильно лежал на листе кувшинки. Толстый роголистник уже обвил в воде оборванный стебель, и желтые кубышки толпились вокруг, поворачивая к ней кудрявые кукольные личики. Нет в саду пустого места!

Поля подняла поверженный цветок и опустила его в воду. Под её пальцами стебель сросся, и соперница очнулась от небытия.

- Спасибо тебе, моя судьба! - смиренно прошептал Поль. - Слышишь ли ты меня?

- Слышу, - эхом откликнулась Поля.

Светло и восторженно стало в этот момент на сердце Поля. И не зная, чем объяснить и как выразить этот восторг, он крепко прижал к своей груди Лилию.

Словно чьим-то дыханием овеяло Полю. Это венцом опустились ей на волосы кружившие над ней бабочки, чудным живым узором украсили подол её платья...

Она ощутила такую лёгкость, будто у неё выросли крылья. Цветы вокруг потянулись к ней, раскрываясь навстречу, и сад вдруг наполнился звуками. Она увидела тысячи лиц, услышала тысячи голосов, которые, так же, как Поль, обращались к ней, звали её, смеялись, плакали, молили о помощи.

И она вдруг поняла: нет больше Атамы. Этот сад и мир, где всё так несовершенно и скоротечно, отдан во владение ей одной. И только от неё теперь зависит, станет ли он лучше и счастливее.

* * *

В городе, где бывало так мало событий, гуляла свадьба. Неожиданно изменившееся и неизвестно от чего постаревшее лицо невесты скрывала белая вуаль.

Люди старательно веселились: негромко пели, бесшумно танцевали, то и дело с опаской оглядываясь на белую скалу.

- Странно, - думала Поля, - здесь никого нет, здесь только я, а они по-прежнему боятся...

Она склонилась к белой лилии. Та настороженно замерла, потом доверчиво потянулся к её рукам. Поля коснулась поврежденного венчика, разгладила смятые лепестки. От её рук лилия сразу же ожила и похорошела, а девушка на земле, откинув вуаль, улыбнулась - нелепые преждевременные морщины исчезли, её лицо снова стало нежным и юным..

Три дня продолжалось веселье, а на четвертый жители по привычке затаились в домах, ожидая возмездия. Но вопреки всеобщим опасениям, на этот раз ничего страшного не произошло...

* * *

Поля бродила по саду, и в нём становилось светло и солнечно. Цветы поворачивали и склоняли к ней головки, старались обратить на себя её внимание, просили коснуться их, вдохнуть их чудесный аромат. Она касалась их, дышала мёдом и горечью, гладила лепестки и листья. И цветы дрожали от восторга. Нежные, беспомощные, слабые создания, они так жадно молили её ласки и участия, что она не могла им отказать.

Она осталась на белой скале. Она ухаживала за яркими гвоздиками, роскошными розами, пышными тяжёлыми пионами, статными гладиолусами, важными тюльпанами, мечтательными нарциссами и нежными фиалками, но основное время проводила у пруда, где у самой кромки воды среди кувшинок и лилий рос простой лиловый василёк. Когда она подходила к нему, он восторженно раскрывался ей навстречу, и от её прикосновения становился краше великолепных роз и пионов, краше пышных хризантем..

* * *

Постепенно в маленький город, где событий было мало, а цветов больше, чем звёзд на небе, вернулась прежняя беззаботность. Снова зазвучала весёлая музыка и смех, стали возвращаться покинувшие его когда-то жители.

...А Поль жил долго и счастливо. Он почти не чувствовал боли в сердце, ни о чём не жалел, ничего не просил у судьбы, и желал только одного: чтобы никакие перемены не омрачили его покоя, чтоб и завтра, послезавтра, и через двадцать лет всё было так же, как сейчас...

И лишь иногда во сне являлась ему девочка из его детства и юности, так робко и радостно любившая его когда-то и так неожиданно исчезнувшая во время его болезни. Тогда он просыпался среди ночи в смутном беспокойстве, ему казалось, что где-то далеко кто-то вспоминает о нём. Томясь бессонницей, он бесприютно бродил по комнате, подходил к окну, за которым виднелась окутанная туманом скала, и, глядя на её вершину, спрашивал кого-то:

- Где ты - судьба моя, жизнь моя?

Успокаивая его, Поля ласкала лиловый василёк, и, в истоме поникнув тонкими лепестками, цветок затихал, а душу Поля окутывало высшее, восторженное счастье, как туман окутывал белую скалу.

- Я здесь, - шептала ему далёкая Поля. - Я жду тебя. Я всё так же тебя люблю.